

УРОВЕНЬ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА*

В.Г. Немировский

Сибирский федеральный университет
Красноярск

valnemirov@mail.ru

А.В. Немировская

Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург

annanemirov@hse.ru

В настоящей статье развивается нетривиальный для социологии подход, который анализирует изменения иерархического уровня ценностей населения. В данном случае использовались материалы исследования, проведенного в крупном сибирском регионе (Красноярский край) по репрезентативной выборке. Подобный подход вытекает из методологии развиваемой нами с участием коллег постнеклассической универсальной социологии. Показано, что процессы модернизации непосредственно связаны с изменением иерархического уровня ценностей большинства активных членов общества. Социум под влиянием институциональных и иных воздействий модернизируется и переходит на новую стадию или уровень модернизации при условии, что соответственно меняется и уровень ценностей. При этом система ценностей населения рассматривается как иерархия в рамках дихотомии «материальное – духовное». Установлено, что у жителей Красноярского края наблюдается серьезное рассогласование между терминальными и инструментальными ценностями. Часть жителей, иерархический уровень ценностей которых превышает уровень существующих в региональном социуме ценностей, «выдавливается» социокультурной средой. Многие из них стремятся переехать в другие регионы страны или за рубеж в поисках лучших условий для самореализации. Делается вывод, что при анализе модернизационных процессов нельзя не учитывать их ценностно-нравственные характеристики. В противном случае процессы модернизации могут выступать как социально-нравственная деградация при наличии некоторых технологических инноваций.

Ключевые слова: социокультурная модернизация, уровень ценностей, регион, универсальная постнеклассическая социология, Красноярский край.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-88-99

В течение последнего десятилетия опубликован ряд исследований, посвященных анализу ценностных ориентаций населения России и ее регионов в контексте социально-экономической, социокультурной и политической модернизации. Как правило, ценности анализируются с содержательных позиций. Например, с использо-

ванием цивилизационного критерия – традиционные, консервативные и модернизационные (Н.И. Лапин [10, 11] и др.), в разрезе дихотомии: патриархально-коллективистские и постиндустриально-индивидуалистические (М.К. Горшков и др.), и т. п. В научный оборот введены результаты сравнительного анализа ценно-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)», № 13-03-00379.

стей россиян с аналогичными ценностями населения других стран мира с использованием методик Г. Хофстеде, Р. Инглхарта, Ш. Шварца. Плодотворность и перспективность таких исследований можно только приветствовать. При этом, на наш взгляд, целесообразно дополнить их подходом, который учитывает изменения иерархического уровня ценностей населения как отдельных регионов, так и страны в целом. Он разрабатывается нами около 30 лет в рамках постнеклассической социологии [15, 17, 26, 27]. Суть его заключается в том, что процессы модернизации непосредственно связаны с изменением уровня ценностей большинства активных членов общества: социум под влиянием институциональных и иных воздействий модернизируется и переходит на новую стадию или уровень модернизации при условии, что соответственно меняется и уровень ценностей, которые существуют как иерархия в рамках дихотомии «материальное – духовное». При этом и сами ценности могут выступать важным побудительным фактором модернизации. В противном случае, при несоответствии уровня ценностей характеристикам модернизационных изменений, возможен обратный процесс, в частности демодернизация. По мнению Р. Инглхарта и К. Вельцеля, «модернизация в культурной сфере не является необратимой... продолжительные и глубокие экономические неурядицы могут развернуть процесс вспять, что мы и наблюдали в 1990-х годах в большинстве постсоветских государств» [9, с. 77].

Россия, как известно, состоит из множества регионов, имеющих социокультурные особенности и выполняющих различные народнохозяйственные функции. В социальном анализе к региональной ти-

пологии России применимы разные подходы: например, социокультурный (Н.И. Лапин), центрпериферийный (С.Я. Суций [19, 20]), фронтальная теория (А.В. Немировская и Р. Фoa [14]) и др. Есть и экономическое разделение на регионы-реципиенты и регионы-доноры, в соответствии с которыми регионы Сибири традиционно считались «ресурсной кладовой» страны. Уже неоднократно на различных уровнях и дискурсах – от научного и политического до криминально-бытовых разборок – поднимался вопрос: а какой из регионов должен «жить лучше»? Словосочетание «жить лучше» является полисмысловым по своей сути. Но в любом случае оно включает высокий уровень и качество жизни, удовлетворенность населения своей жизнью, высокие социальные нормы и ценности, толерантность, социальную безопасность и т. п. – то, что и составляет суть результатов эффективной социокультурной модернизации.

В своей работе мы опираемся на понимание модернизации, выработанное Н.И. Лапиным: «Современная модернизация представляет собой процесс, который включает индустриальную, информационно-когниционную и социокультурную составляющие» [11], а также близкую к нему точку зрения Н.Е. Тихоновой, понимающей ее «как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной, культурной, демографической, но и социокультурной модернизации. Под последней подразумевается формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведен-

ческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локуса контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» [21, с. 25]. Таким образом, по справедливому замечанию Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой, требуется учитывать человеческие измерения модернизации [11].

Безусловно, также прав М.Н. Горшков, утверждающий, что «именно от того, насколько путь, по которому пойдет развитие модернизационных процессов, будет соответствовать ожиданиям и запросам населения, во многом зависят перспективы страны, связанные с возможностями ее успешной интеграции в мировую экономику, и в конечном счете само место России в глобализирующемся мире [4, с. 5]. Между тем реализация модернизационных процессов в современной России серьезно осложняется финансово-экономическими проблемами.

Важно отметить существующую среди российских интеллектуалов точку зрения о своеобразии модернизационных процессов и запросов на саму модернизацию в России, как правило, основанную на представлениях русских философов о «духовноцентричности», «антропоцентричности» российской культуры: так, ряд социологов высказывают сомнения о применимости западной матрицы модернизации в российских реалиях, подчеркивая необходимость поиска духовного смысла, «сверхидеи», способной объединить общество, вдохновить людей на творческое созидание, недопустимость простого заимствования западной идеи модернизации, но только с учетом специфики русской культуры [13, с. 61]. Как отмечает Е.В. Говердовская, в ценностной системе современных росси-

ян проявляется дихотомия основных ценностей индивидуалистской (западной) и коллективистской (восточной) культур, эти противоречивые по отношению друг к другу социокультурные феномены могут взаимодополняться и в зависимости от ситуации по-разному проявляться в различных регионах России [3, с. 99].

Логично возникает вопрос: как в подобной финансово-экономической ситуации будут влиять на модернизационные процессы в нашей стране, прежде всего, социокультурные, ценностные ориентации ее населения? Опубликовано немало исследований, характеризующих ценности населения России в сравнении с ценностями других стран мира в контексте успешности (или, напротив, неуспешности) реализации ими модернизационных процессов. Так, по мнению Э.Д. Понарина, «Всемирное исследование ценностей» позволяет проследить динамику ценностных изменений в различных обществах за период с 1981 по 2011 год. В частности, было установлено, что в большинстве стран в последние десятилетия наблюдается сдвиг в сторону ценностей самовыражения и секулярно-рациональных ценностей. Однако имеется ряд исключений, самым значительным из которых является Россия, где сегодня намного сильнее выражены традиционные ценности. Кроме того, в нашей стране также произошел некоторый сдвиг в сторону ценностей выживания. Смещение в сторону традиционных ценностей наблюдается и в посткоммунистической Европе, Латинской Америке и Африке [18].

На основе межстрановых сравнительных исследований, проведенных по методике Ш. Шварца, В.С. Магун и М.Г. Руднев делают вывод: «Россия характеризуется более сильной выраженностью ориентации

на сохранение и более слабой выраженностью открытости в сравнении с большинством стран» [12]. Проведенный авторами анализ показал, что по сравнению с жителями 27 европейских стран у среднего россиянина сильнее выражены ценности безопасности и самоутверждения. На последних местах – забота об окружающих, открытость и самостоятельность. Согласно сравнительным исследованиям типично российской чертой является также ненависть к великодушью: «...до трети населения показывает склонность к наказанию более великодушных. Когда в других странах 20 % людей наказывает более жадных, то в России 15 % наказывают более щедрых» [6].

Как видим, по сравнению с рядом других экономически более успешных стран мира ценности населения России являются менее благоприятными для осуществления эффективной модернизации. Однако важно учитывать, что Россия состоит из значительного числа регионов, многие из которых имеют существенную историческую, социокультурную, экономическую и природную специфику. Можно выдвинуть гипотезу, что «человеческие измерения» ряда из них более способствуют эффективной модернизации, а других, напротив, выступают препятствиями на ее пути. В качестве примера рассмотрим ситуацию в Красноярском крае, одном из наиболее развитых как в промышленном, так и в социокультурном плане регионов Сибири.

С целью более глубокого изучения ценностей приоритетов населения региона, в том числе анализа терминальных и инструментальных ценностей, в 2013 г. в Красноярском крае по репрезентативной выборке было проведено 520 полуструктурированных интервью с населением региона. Опрос проводился в 17 населенных пунктах

в соответствии с поселенческой, половозрастной, образовательной структурой взрослого населения. Для сопоставления использовались результаты опроса, проведенного нами методом полуструктурированного интервью в 2005 г. среди 1800 жителей края в 26 его населенных пунктах по аналогичной выборке.

Общепризнано, что ценностные ориентации (потребности, attitudes и другие феномены личности) существуют в виде сложной иерархической системы. Можно привести ряд примеров: широко известная «пирамида» потребностей и связанных с ней ценностей, созданная классиком гуманистической психологии А. Маслоу, семиуровневая иерархия ценностных ориентаций и идентичных им образований в различных направлениях трансперсональной психологии, четырехуровневая система диспозиций, разработанная известным российским ученым В.А. Ядовым и др. На протяжении 30 лет мы применяем семиуровневую систему ценностей, созданную по принципу «от материального – к духовному». В нижней ее части расположены ориентации на сугубо материальные ценности, на более высоких «ступенях» – высшие духовные и нравственные ценности. Подобная иерархия выражает восхождение личности от эгоизма к альтруизму.

В соответствии с теорией А. Маслоу, у человека с рождения последовательно появляются и сопровождают его личностное развитие семь классов потребностей. Несколько модернизировав данную концепцию с учетом достижений современной науки, мы получили следующую иерархию.

0. Потребности в разрушении (в том числе и саморазрушении).

1. Потребности физиологические (органические).

2. Потребности в безопасности.
3. Потребности в принадлежности к обществу и любви.
4. Потребности уважения (почитания).
5. Познавательные потребности, нравственные потребности
6. Творческие, эстетические потребности, потребности в самовыражении и самореализации.
7. Социально-альтруистические и высшие духовные потребности

Каждому уровню потребностей соответствует определенные ценности.

Логично предположить, что состояние общества, в данном случае уровень и показатели его модернизированности, взаимосвязаны с уровнем ценностей, на которые ориентированы члены этого социума. Рассмотрим взаимосвязь состояния общества с распространенными среди его членов ценностями. Так, широкое распространение в нем ценностей, основанных на потребностях нулевого уровня, свидетельствует, что общество стремится к саморазрушению, первого – находится на стадии выживания. Второй уровень уже ставит задачи развития социума, третий – его дальнейшего укрепления, независимости. В частности, страна экономически стабилизируется, активно заботится о внешней и внутренней безопасности, возникает потребность в сильной центральной власти, армии, административных и карательных органах. Четвертый уровень выступает своего рода переходным: общество становится более благополучным и гармоничным, формируются прочные основы гражданского общества, удовлетворяются основные потребности его членов. Именно с четвертого уровня начинают эффективно функционировать социально-нравственные нормы и ценности, закрепленные в различных морально-

этических системах. Нравственное регулирование начинает преобладать над принуждением по отношению к выполнению социальных норм и ценностей [15, с. 35–41]. Дальнейшие уровни репрезентируют более высокие ступени духовного и нравственного развития социума.

За истекшие 8 лет на вербальном уровне ценностного сознания населения Красноярского края произошли заметные перемены. Увеличилась значимость терминальных ценностей *здоровье* (2005 г. – 70 %, 2013 г. – 77 %) и *любовь* (соответственно 17 % и 35 %). Однако значение большинства ценностей существенно снизилось: *материальное благополучие* (2005 г. – 63 %, 2013 – 31 %), *будущее детей* (соответственно 61 % и 48 %), *независимость* (24 % и 13 %), *спокойная жизнь* (28 % и 21 %), *справедливость* (21 % и 11 %), *процветание Родины* (15 % и 9 %), *семья* (59 % и 53 %), *обретение смысла жизни* (10 % и 6 %). Это может свидетельствовать как об усилении экстерналистского локуса контроля у населения региона, а также о понимании многими из них невозможности реализовать свои жизненные цели в связи с постепенным изменением социальной ситуации в регионе, например, отсутствие эффективных и общедоступных социальных лифтов, трудности с развитием малого и среднего бизнеса и т. п. Во многом именно с этим связан отток квалифицированных специалистов из региона.

Если в 2005 г. ведущими терминальными ценностями населения Красноярского края на вербальном уровне были *здоровье*, *материальное благополучие*, *семья*, *будущее детей*, *занятие любимым делом*, то и через восемь лет в целом наиболее значимые ценности существенно не изменились. Все они, за исключением ценности любви,

которая, кстати, может иметь различный личностный смысл, принадлежат второму уровню выделенной нами иерархии. Это традиционные ценности, не располагающие их субъектов к активному участию в модернизации.

Инструментальные ценности, по сравнению с терминальными, на вербальном уровне у жителей региона изменились несколько более существенно. Если в 2005 г. наиболее значимыми у жителей Красноярского края были инструментальные ценности *трудолюбие, ответственность, инициативность* и *предприимчивость, умение ладить с людьми* и *деньги*, то в 2013 г. в этой пентаде произошли небольшие изменения: *образованность, ответственность, трудолюбие, умение ладить с людьми, инициативность* и *предприимчивость*. Как видим, в качестве инструментальной ценности в массовом сознании населения Красноярского края ценность *деньги* уступила свое доминирующее положение *инициативности* и *предприимчивости*. С точки зрения модернизационных процессов в регионе это, безусловно, важный позитивный аспект.

Выросла значимость ценностей: на треть – *образованность* (2005 г. – 41 %, 2013 г. – 64 %), *ответственность* (соответственно 51 % и 62 %); в два раза – *расчетливость* (11 % и 21 %), *жесткость* (12 % и 17 %), *доброта* (17 % и 23 %). Напротив, снизилась значимость ценностей *деньги* (в два раза: с 43 % до 22 %), *трудолюбие* (75 % и 56 %) и *инициативность* (49 % и 41 %). Как видим, на вербальном уровне наблюдается неоднозначная картина: значимость некоторых модернизационных ценностей существенно возросла, а части из них заметно уменьшилась. Тем не менее можно сделать вывод, что на вербальном уровне жителей региона преобладают ценности второго уровня,

иными словами, ценности первичного этапа развития социума.

Для более четкого понимания происходящих процессов в массовом сознании/бессознательном населении региона обратимся к результатам факторного анализа, который выявил наличие семи биполярных ориентаций в поле терминальных ценностей.

Ф-1: творчество (,653), обретение смысла жизни (,616), приносить пользу людям (,407), будущее детей (–,470), семья (–,427). (Описательная сила – 11,252 %).

Ф-2: процветание Родины (,610), карьера (–,676), любовь (–,499). (Соответственно 9,025 %).

Ф-3: независимость (,721), чистая совесть (,423), будущее детей (–,423). (8,326 %).

Ф-4: здоровье (,483), занятие любимым делом (–,813). (7,488 %).

Ф-5: власть, влияние на людей (,750), красивая жизнь (,638). (7,044 %).

Ф-6: любовь (,508), материальное благополучие (–,809). (6,530 %).

Ф-7: справедливость (,439), спокойная жизнь (–,836). (6,211 %).

Наибольшие факторные нагрузки имеют в основном ценности, принадлежащие к 4-му, 5-му и 6-му иерархическим уровням. При анализе описанных выше биполярных факторов мы опираемся на широко апробированный подход Н.И. Лапина, который классифицирует ценности по критерию «одобряемые» и «отрицаемые» [7, с. 55, 56]. К последним относятся ценности, обладающие в биполярных факторах отрицательной факторной нагрузкой¹. И это представ-

¹ Целесообразно отметить, что в процессе факторного анализа используется и несколько расширенная классификация ценностей, не отвергающая подход Н.И. Лапина: «... наряду с актуализированными, *декларируемыми* и явно одо-

ляется вполне логичным, ибо, как известно из математической статистики, «факторные веса могут быть как положительными, так и отрицательными. В силу того, что факторы являются стандартизованными величинами со средним значением, равным нулю, факторные веса, близкие к нулю, говорят о средней степени проявления фактора, положительные – о том, что эта степень выше средней, отрицательные – о том, что она ниже средней. Например, если речь идет о факторе, выражающем уровень развития в определенном аспекте, то большой факторный вес свидетельствует о высоком уровне развития данного объекта, а низкий факторный вес – о низком уровне» [2, 3]. Соответственно, положительные значения факторных весов анализируемых ценностей свидетельствуют об одобрении их большинством респондентов, элементы сознания/бессознательного которых описывает данный фактор, а отрицательные значения – об их отрицании данным большинством, а об одобрении – лишь меньшинством. Совмещение в сознании одного человека противоположных ценностей – это особенность ценностей как феномена культуры, поскольку «каждый соотносит себя не с какой-то одной ценностью, а с определенной их комбинацией, обычно довольно противоречивой» [7, с. 56].

Характерно, что к числу отрицаемых ценностей относятся *будущее детей* (два фактора), *семья, занятия любимым делом, материальное благополучие и спокойная жизнь*. Причем последние три из перечисленных ценностей (выделено нами – В.Н. и А.Н.) являются отрицаемыми ценностями также существуют активно отрицаемые ценности, которые могут быть названы *латентными* ценностями. Кроме этого, существуют *нейтральные, неотрицаемые и неодобряемые ценности*, к которым респонденты относятся пассивно или равнодушно» [5, с. 90].

ются наиболее отрицаемыми терминальными ценностями населения Красноярского края.

С помощью факторного анализа в инструментальных ценностях было также выделено семь латентных переменных.

Ф-1: жесткость (,667), расчетливость (,659), высокая нравственность (–,405). Описательная сила: 12,338 %.

Ф-2: честность (,765), доброта (,626), инициативность, предприимчивость – (,552) (Соответственно 9,307 %).

Ф-3: высокое социальное положение (,704), деньги (,557), образованность – (,533). (7,622 %).

Ф-4: коллективизм (,540), вера в Бога (,442), умение ладить с людьми (–,693) инициативность, предприимчивость (–,414). (7,138 %).

Ф-5: использование магии, колдовства (,776), умение лукавить (,459). (6,876 %)

Ф-6: высокая нравственность (,481), трудолюбие (–,874). (6,407 %).

Ф-7: исполнительность (–,775), ответственность (–,476). (6,043 %).

Наиболее высокую описательную силу имеет фактор, описываемый ценностями *жесткость* и *расчетливость* (соответственно 2-й и 1-й иерархические уровни). Все выделенные факторы, кроме 5-го и 6-го, являются биполярными, в большинстве из них отрицаемыми являются ценности *инициативность* и *предприимчивость* (четыре фактора), *умение ладить с людьми, образованность, высокая нравственность, трудолюбие, исполнительность* и *ответственность*. Причем эти терминальные ценности крайне важны для успешной реализации модернизационных процессов. Обращает на себя внимание ряд парадоксов: вместе с ориентациями на высокую нравственность отрицается трудолюбие, коллективизм не сочетается с умением

ладить с людьми; высокое социальное положение и деньги – с образованностью. На наш взгляд, это не что иное, как своеобразная форма кентавр-проблем в массовом сознании/бессознательном, впервые подробно проанализированных Ж.Т. Тощенко [22–24]. На наш взгляд, важно, что «Кентавр-проблема может существовать на подсознательном уровне, когда человек не подозревает, что является носителем парадоксального сознания и поведения. То, что он обладает кентавристикальным сознанием, очевидно для исследователя, а не для самого человека, который почти всегда не замечает свою противоречивую позицию, демонстрирующую иррациональный потенциал реально функционирующего сознания. Не менее редки ситуации в природе и обществе, когда встретившиеся исследователю феномены не могут быть объяснены предшествующим знанием» [22, с. 156].

Как видим, на уровне массового сознания/бессознательного респондентов одна часть инструментальных ценностей принадлежит нижним уровням – нулевому и первому (использование магии, колдовства; деньги, расчетливость, умение слукавить, высокое социальное положение). Другая – коллективизм, честность, вера в Бога, доброта, высокая нравственность – относится к четвертому–седьмому уровням ценностной иерархии. Можно предположить, что тем самым репрезентируются две категории респондентов, принадлежащих к социальным группам с разным социальным статусом и различными жизненными стратегиями.

Таким образом, на уровне массового сознания/бессознательного населения Красноярского края наблюдается определенное рассогласование между терминальными и инструментальными ценностями. Можно

предположить, что часть респондентов, человеческий потенциал которых (терминальные ценности) превышает диктуемые социальной средой ценности и нормы поведения, стремятся переехать в другие регионы страны или за рубеж в поисках лучших условий для самореализации, о чем свидетельствуют многочисленные исследования [8, 26].

В настоящее время развитие модернизационных процессов в Сибири характеризуется противоречиями развития социальной, производственно-технологической и экономической сфер.

Ценностный застой, его отставание от модернизационных процессов представляют собой «бомбу замедленного действия», которая в любой момент может повернуть вспять поступательное развитие модернизации. Поэтому крайне важно, чтобы инвестиции в модернизацию сопровождались соответствующими социальными действиями, направленными на возвышение системы ценностей населения отдельных регионов и страны в целом.

Трудно оценить адекватно результаты и перспективы модернизационных процессов в том или ином регионе, как и в стране в целом, без учета уровня ценностей, на которые ориентируется население. Очевидно, при анализе модернизационных процессов целесообразно учитывать и их нравственные характеристики. Иначе нередко то, что мы называем модернизацией, выглядит как социально-нравственная деградация при некоторых технологических инновациях. По-новому следует оценить также роль институциональных факторов модернизации или демодернизации.

На наш взгляд, описанные выше результаты исследований способствуют развитию специальных социологических теорий реги-

онов, ценностей и модернизации, которые, безусловно, относятся к числу важнейших теорий для современной России. Не вызывает сомнения, что они требуют соответствующего дополнения. Более того, приведенные данные актуализируют прикладное, социоинженерное значение этих теорий.

Литература

1. *Бородкин А.И.* Лекции. – URL: <http://www.iskunstvo.info/materials/history/2/inf/factor.htm> [дата обращения: 29.03.2014]
2. *Бородкин А.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 187 с.
3. *Говердовская Е.В.* К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 57. – С. 96–104.
4. *Горшков М.К.* Представляю номер. Человеческий потенциал российской модернизации // Вестник Института социологии РАН. – 2011. – № 3. – С. 5–9. – URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Gorshkov.pdf [дата обращения: 5.10.2013]
5. *Горяинов В.П.* Об одном подходе к анализу латентных ценностей // Социология: 4М. – 2010. – № 30. – С. 89–106.
6. *Денисова М.* Россияне не хотят быть самостоятельными. Исследования ВШЭ // Орел Есопому. Экспертный портал Высшей школы экономики. – 2013, 18 апреля. – URL: <http://www.ores.ru/1527244.html> [дата обращения: 5.10.2013]
7. Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с.
8. *Ефимов В.* Мы её теряем // Эксперт. Сибирь. – № 1 (359). – 2012. 24 декабря. – URL: <http://expert.ru/siberia/2013/1/> [дата обращения: 5.10.2013]
9. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011.
10. *Лапин Н.И.* Социокультурный подход к изучению эволюции России и ее регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М.: Академия, 2009. – С. 15–40.
11. *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад центра изучения социокультурных изменений // Интеллектуальная Россия. 2011. – URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html [дата обращения: 5.10.2013]
12. *Мазун В., Руднев М.* Ценностный портрет россиян на европейском фоне: Россия в зеркале Европейского социального исследования // Демоскоп Weekly. 2012. № 503–504. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0503/tema01.php> [дата обращения: 5.10.2013]
13. *Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е.* Проект модернизации – европейский соблазн // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2. – С. 57–61.
14. *Немировская А.В., Фoa P.* Социокультурные особенности фронта России // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 80–88.
15. *Немировский В.Г.* Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 200 с.
16. *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Динамика социокультурных процессов в Красноярском крае (на материалах социологических исследований в регионе в 2010–2012 гг.). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40 [дата обращения: 5.10.2013]
17. *Немировский В.Г., Невирко Д.А.* Социология человека: от неклассических к постнеклассическим

сическим подходам. Изд. 2-е перераб. и доп. – М.: Изд-во АКИ, 2008. – 302 с.

18. *Понарин Э.* Модернизация, ценности и счастье: Россия и мир // SocioLogos – портал российской прикладной социологии. 2012. – URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Eduard_Ponarin_o_modernizacii_cennostyah_i_schaste_v_Rossii_i_mire [дата обращения: 5.10.2013]

19. *Суций С.Я.* Культурная динамика российских регионов: современные тенденции (на материалах Юга России) // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 5. № 3. – 2009. – С. 105–111.

20. *Суций С.Я.* Особенности центропериферийного устройства российской социокультурной системы и стадии развития культурного комплекса Юга России // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 2. – С. 32, 40.

21. *Тихонова Н.Е.* Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 24–34.

22. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема // Тезаурус социологии. Тематический словарь-

справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.

23. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.

24. *Тощенко Ж.Т.* «Кентавр-проблема». Опыт философского и социологического анализа. – М.: Новый хронограф, 2011. – 562 с.

25. *Nemirovskaya A.V., Kozlov V.A.* Social Support for Contemporary Modernization in the Regions of Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – № 8. – P. 1107–1128.

26. *Nemirovskij V.G.* The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007. – Vol. 2. – No. 1. – P. 65–77.

27. *Nemirovskij V.G.* The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2008. – № 1. – P. 77–90.

THE LEVEL OF VALUES IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF A REGION

V.G. Nemirovskij

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk

valnemirov@mail.ru

A.V. Nemirovskaya

Higher School of Economics,
St. Petersburg

annanemirov@hse.ru

The paper develops a non-trivial sociological approach to the analysis of change in the hierarchical level of values. The research is based on a representative empirical study, conducted in a large Siberian region (The Krasnoyarsk Territory). This approach stems from the methodology developed within the framework of post-non-classical universum sociology. It is shown that the processes of modernization are directly related to the change in hierarchical level values of the majority of active members of society. Influenced by institutional and other factors, the society develops and moves to a new level or stage of

modernization, provided that the level of values changes respectively. The system of values is considered as a hierarchy within the dichotomy between “material - the spiritual.” It is found that the respondents from the Krasnoyarsk Territory exhibit a serious mismatch between the terminal and instrumental values. Some residents, whose hierarchical level of values surpasses the general level of values in existing regional society, are being “pressed out” by the current socio-cultural environment. Many of them tend to move to other regions of the country or even abroad in search of better conditions for their self-realization. It is concluded that the analysis of the modernization processes cannot ignore such respondents’ values and moral characteristics. Otherwise, modernization processes turn into a social and moral degradation even with the availability of some technological innovations.

Key words: socio-cultural modernization, level of values, region, universum post-non-classic sociology, the Krasnoyarsk Territory.

References

1. Borodkin L.I. *Lekcii*. – URL: <http://www.iskunstvo.info/materials/history/2/inf/factor.htm> [data obrashhenija: 29.03.2014]
2. Borodkin L.I. *Mnogomernyj statisticheskij analiz v istoricheskib issledovanijab*. M., 1986.
3. Goverdovskaja E.V. *K probleme modernizacii vyshego professional'nogo obrazovanija v Severo-kavkazskom regione* // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. № 57. Sankt-Peterburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena, 2008, pp. 96–104.
4. Gorshkov M.K. *Predstavljaju nomer. Che-lovecheskij potencial rossijskoj modernizacii* // *Vestnik Instituta sociologii RAN*. 2011. № 3, pp. 5–9. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Gorshkov.pdf [data obrashhenija: 5.10.2013]
5. Gorjainov V.P. *Ob odnom podbode k analizu latentnyh cennostej* // *Cociologija*: 4M. – 2010. – № 30, pp. 89–106.
6. Denisova M. *Rossijane ne hotjat byt' samostojatel'nymi. Issledovanija VShJe* // *Open Economy. Jekspertnyj portal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2013. 18 aprelja. URL: <http://www.opec.ru/1527244.html> [data obrashhenija: 5.10.2013]
7. *Dinamika cennostej naselenija reformiruemoj Rossii* / *Otv. red. Lapin N.I., Beljaeva L.A.* M.: Jeditorial URSS, 1996. 224 p.
8. Efimov V. *My ejo terjaem* // *Jekspert. Sibir?*. – № 1 (359). 2012. 24 dekabrja. URL: <http://expert.ru/siberia/2013/1/> [data obrashhenija: 5.10.2013]
9. Inghart R., Vel'cel' K. *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvutija*. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011.
10. Lapin N.I. *Sociokul'turnyj podhod k izucheniju jevoljucii Rossii i ejo regionov* // *Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste*. M., 2009, pp. 15–40.
11. Lapin N.I., Beljaeva L.A. *Ot stabilizacii k integrirovanoj modernizacii Rossii. Analiticheskij doklad centra izuchenija sociokul'turnyh izmenenij* // *Intellectual'naja Rossija*. 2011. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovanoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izuchenija-sociokul'turnyx-izmenenij.html [data obrashhenija: 5.10.2013]
12. Magun V., Rudnev M. *Cennostnyj portret rossijan na evropejskom fone: Rossija v zerkale Evropejskogo social'nogo issledovanija* // *Demoskop Weekly*. 2012. № 503–504. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0503/tema01.php> [data obrashhenija: 5.10.2013]
13. Matjash T.P., Nesmejanov E.E. *Proekt modernizacii – evropejskij soblazn* // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii*. № 2. Volgograd, 2011, pp. 57–61.
14. Nemirovskaja A.V., Foa R. *Sociokul'turnye osobennosti frontira Rossii* // *Sociologicheskie issledovanija*. – № 4. – 2013, pp. 80–88.
15. Nemirovskij V.G. *Rossijskij krizis v zerkale postneklassicheskoj sociologii*. M.: Librokom, 2009.
16. Nemirovskij V.G., Nemirovskaja A.V. *Dinamika sociokul'turnyh processov v Krasnojarskom krae* (na materialah sociologicheskib issledovanij v

- regione v 2010 – 2012 gg.). Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2012. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40 [data obrashhenija: 5.10.2013]
17. Nemirovskij V.G., Nevirko D.D. *Sociologija cheloveka: ot neklassicheskikh k postneklassicheskim podbodom*. Izd. 2-e pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.
18. Ponarin Je. *Modernizacija, cennosti i schast'e: Rossija i mir* // SocioLogos – portal rossijskoj prikladnoj sociologii. 2012. URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Eduard_Ponarin_o_modernizacii_cennostyah_i_schaste_v_Rossii_i_mire [data obrashhenija: 5.10.2013]
19. Sushhij S.Ja. *Kulturnaja dinamika Rossijskikh regionov: sovremennye tendicii (na materialab Juga Rossii)* // Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra RAN. T. 5. № 3. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 2009, pp. 105–111.
20. Sushhij S.Ja. *Osobennosti centro-periferijnogo ustrojstva Rossijskoj sociokulturnoj sistemy i stadii razvitija kulturnogo kompleksa Juga Rossii* // Nauchnaja mysl' Kavkaza. № 2. 2009. Rostov-na-Donu: Juzhnyj federal'nyj universitet, pp. 32, 40.
21. Tihonova N.E. *Dinamika sociokulturnoj modernizacii v Rossii* // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2013. № 1. – M.: Institut sociologii RAN, pp. 24–34.
22. Toshhenko Zh.T. *Kentavr-problema* // Tezaurus sociologii. Tematicheskij slovar'-spravochnik / Pod red. Toshhenko Zh.T. M.: JuNITI-DANA, 2009. 487 p.
23. Toshhenko Zh.T. *Paradoksal'nyj chelovek*. M., JuNITI-DANA, 2008. 543 p.
24. Toshhenko «Kentavr-problema». Opyt filozofskogo i sociologicheskogo analiza. – M., Novyj hronograf. 2011. 562 p.
25. Nemirovskaya A.V., Kozlov V.A. *Social Support for Contemporary Modernization in the Regions of Siberia* // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 8, pp. 1107–1128.
26. Nemirovskij V.G. *The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology* // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2007. Vol. 2. No. 1, pp. 65–77.
27. Nemirovskij V.G. *The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology* // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2008. № 1, pp. 77–90.